

ФИЛОСОФИЯ

УДК 17.024

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВА ЕДИНСТВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО В ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОМ РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

Л.М. Аболин

Аннотация

Обосновывается положение о том, что в основу современных исследований проблемы источников и условий развития духовно-нравственного благополучия необходимо включать анализ не только рациональных регуляторов деятельности, но и аффективных ее составляющих, поскольку платформу духовно-нравственного становления и развития личности всегда составляют эмоциональные переживания. Показано, что основой единства интеллекта и аффекта является деятельность, композиция разных психологических механизмов ее регуляции.

Ключевые слова: деятельность, эмоции, эмоциональная экспрессия, саморегуляция деятельности, образовательное пространство.

В основу современных исследований проблемы источников и условий духовно-нравственного благополучия/неблагополучия необходимо включать анализ не только рациональных (интеллектуальных) регуляторов деятельности, но и аффективных¹ ее составляющих, поскольку платформу духовно-нравственного развития всегда составляют эмоциональные переживания [2–10 и др.].

Заметим, однако, что хотя значение многих регулятивных функций эмоций в осуществлении различных видов деятельности, их определяющее воздействие на формирование способов ее организации и воспитание социально-значимых черт личности подчеркивается многими исследователями [2–5, 7–15 и др.], в то же время всякие формирующие эксперименты (в учении, труде) чаще всего не включают условий, предоставляющих возможность осуществлять пристрастные преобразования предметных ситуаций: роль эмоций как бы отступает на второй план при переходе к конкретному формированию действия, становлению (развитию) духовно-нравственной личности. С позиции такого обособления невозможно понять причины, обуславливающие главенствующее

¹ Термин «аффективность» употребляется в работах Б. Спинозы [1], С.Л. Рубинштейна [7], Л.С. Выготского [3] и др. как синоним терминов «эмоция», «чувства», «чувствования», «эмоциональность», «переживания», «страсть».

место эмоциональности в структуре деятельности, личности, а попытки сформировать должный уровень духовно-нравственного развития личности не всегда оказываются эффективными.

На недооценку содержательной стороны эмоциональных процессов регуляции деятельности указывал Г.М. Бреслав [11], различая дальние и ближние цели и применяя метафору «холодные эмоции». Однако «эмоции» в работах автора продолжают выступать опять-таки своей отражательной, а не ролевой и содержательными функциями. Попытка исследователя избавить нас от ложной дихотомии эмоции и, например, воли оборачивается своеобразной «добавкой» эмоции к уже существующему субъективному отражению или же «переводом» волевой феноменологии в эмоциональный план. Так, например, Г.М. Бреслав пишет: «Конфликтные отношения между этими переживаниями обозначают ситуацию волевого акта, где эмоции обеспечивают как *непроизвольный*, так и *произвольный* (выделено нами. – Л.А.) характер деятельности» [11, с. 31]. Легко увидеть, как «непроизвольно» совершается автором перевод волевого содержания поведения на язык эмоций.

В подобных случаях исследователи сталкиваются с устойчивой общенаучной тенденцией: унаследованные у предшественников и хорошо «отрефлексируемые» психологические понятия устраняются из предмета исследований и фактически, переставая выражать (описывать, объяснять) психологическое содержание, уходят из активного лексикона ученых, но продолжают сказываться организационно – в распределении предметных областей в рамках единой программы исследований и разработок. Так, сдавшая свои описательные и объяснительные позиции схема триединства эмоционального, волевого и рационального в психической жизни реально порождает специалистов по мышлению, эмоциям и воле.

Нам представляется, что коль скоро современная отечественная психология развивает деятельностный подход и тем самым полагает неконструктивным и бессодержательным разделение психической жизни на три действительности (эмоции, воли, интеллект), то исследователь тем более должен видеть своим предметом деятельность. Следует, на наш взгляд, изменить тип проблематизации и постановки исследовательских задач в разрешении проблемы духовно-нравственного развития.

Одну из попыток изучения эмоциональных процессов как системы деятельности можно найти у В.К. Вилюнаса [12]. Эмоциональные производные – результат «переключения», утверждает В.К. Вилюнас, заключая в кавычки (и не напрасно) имя одной из ведущих феноменологических единиц эмоционального процесса. Но что такое эмоциональный процесс и откуда он взялся, если автор выражает приверженность деятельностному подходу?

Идея «переключения» весьма проста и следует не столько из научного анализа эмоциональных явлений, сколько из представления о том, что эмоциональному «взору» открывается принципиально то же самое, что и умственному взору. Получается, что рациональное расчленение некоторого предмета, могущего подлежать эмоциональному отношению, предшествует (причем в завершённой форме) всей последовательности упомянутых «переключений». Иначе говоря, описываемые В.К. Вилюнасом производные переживания (то есть про-

изводные, в данном случае, «переключением») – это процесс и одновременно результат эмоционального «проглядывания» некоторой (вообще говоря, любой) схематической картины предмета с большим или меньшим числом элементов или частей. Создается впечатление, что эмоциональный процесс, механизмом которого служит «переключение», как бы списан с обыденной ситуации, где человек проглядывает, но проглядывает, конечно эмоционально, киноролик (то есть некоторый рационально сработанный зрительный ряд), содержащий только схему определенного более или менее сложного предмета. Тогда нормальная работа кинопроектора дает нормальное развитие эмоционального процесса, обеспечивая тем самым переход к так называемым производным эмоциям, а вынужденная остановка аппарата (вроде стоп-кадра) объясняет фиксирующееся «...“переключение” ведущего эмоционального переживания» [12, с. 128].

Не слишком ли это механистично? Не слишком ли это «отражательно» характеризует эмоцию, лишая последнюю собственной природы, активности и содержания? В результате получается что-то похожее на эмоциональный эпифеноменологизм. И где же тут деятельностный подход?

Как уже отмечалось, теоретизирование об эмоциях вообще приводит фактически к идее «добавки» эмоционального к уже существующему субъективному отражению. Эта идея заявлена В.К. Вилюнасом следующим образом: «Добавляясь» к отражаемому содержанию и выражая специфическое отношение к нему субъекта...» [11, с. 55]. Единственное, что реабилитирует автора, – это кавычки, в которые он заключает компрометирующее слово. Получается, что собственно эмоционального отражения нет, что, будучи отношением к отражению, оно, как говорил принц Датский, «тень тени».

К этому можно добавить еще одну из теоретических попыток «справиться» с предметностью эмоций Г.М. Бреслава, которую он проводит в статье «Предметность эмоциональных явлений» [11]. Соглашаясь с В.К. Вилюнасом в признании эмоции явлением вторичным по отношению к рациональному отражению, автор различает «номенклатуру» и «композицию» отраженных содержания. При этом эмоции у автора отвечают за композицию. Значит, эмоции имеют дело не с действительным миром, а только с его «теньями», которые берутся на свой страх и риск его «раскрасить» (если пользоваться терминологией В.К. Вилюнаса).

Иной тип деятельностной проблематизации предлагает О.А. Конопкин [16]. Само название его монографии «Психологические механизмы регуляции деятельности» выражает по существу новую методологию. Действительно, деятельность регулируется не только психологическими механизмами, и автор не претендует на деятельность целиком. Его модель, описывающая функциональную структуру процесса саморегуляции сенсомоторной деятельности, примечательна тем, что, презентуя как бы «чистую» деятельность (разумеется, в психологическом предмете), она освобождает исследователя от традиционно психологических частностей, таких, как эмоции, мышление, воля и др. Вместо этих, нагруженных всевозможными образными деталями психологических представлений она включает в себя схему структурно объединенных «мест» – цель, субъективную модель значимых условий, программу исполнительских действий,

информацию о результатах, оценку результатов, систему критериев оценки, решения о коррекциях и др. Однако эта модель может заполняться упомянутыми эмоциональными, волевыми, интеллектуальными представлениями с тем преимуществом, что их психологическое содержание будет обладать главным с точки зрения научного исследования качеством – определенностью. Для научного подхода определенная ограниченность важнее неопределенной полноты.

При таком подходе впервые становится ясным, что провозглашаемое многими психологами «единство интеллекта и аффекта» может найти свою определенность только в деятельности, то есть в композиции разных психологических механизмов ее регуляции, а поиск рационального в эмоциональном или эмоционального в рациональном просто превращается в захватывающую «охоту» или в языковые упражнения, которые ничем не обогащают проблему эмоций и, в частности, проблему духовного развития человека.

Мы убеждены, что подлинная (живая) эмоция – тотальное (целостное) состояние, необратимым образом овладевающее организмом, психикой, сознанием. Но тотальность эта проявляется множественным образом. Полярные (в генетическом отношении) значения ее содержатся в простой синкретичности (нерасчлененности), которая как в фило-, так и в онтогенезе первична, а в системе сложного целесообразного осуществления – «умная эмоция» (термин А.В. Запорожца [13]). Продолжая эту мысль, можно обнаружить, что синкретическая тотальность эмоции внешне проявляется и фиксируется как **эмоциональная экспрессия**, позитивные или негативные последствия которой имеют стохастический характер. Системная же тотальность эмоции внешне проявляется и впервые фиксируется как **эмоциональная деятельность**. Она «пристрастна», но целесообразна. Она напряжена, но эффективна.

Представляется, что всеобщее деление психических функций на низшие и высшие, которое предложил Л.С. Выготский [3, 4], применительно к эмоциональным явлениям адекватно реализуется в диалектической дихотомии эмоциональной экспрессии (синкрет) и эмоциональной деятельности (система), дополняя предлагаемую В.К. Виллоном дихотомию «базальных» (ведущих) и производных эмоций [12].

Идея разделения эмоций на низшие и высшие, которую, как уже отмечалось, мы склонны интерпретировать как различие в функционировании аффективно-смысловых образований по типу **эмоциональной экспрессии** и **эмоциональной деятельности**, – это очередная попытка представить генетические уровни психической жизни. В своем капитальном труде «Учение об эмоциях» Л.С. Выготский, иронизируя над интеллектуалистскими теориями развития психики, которые выдвигал, в частности А. Бергсон, говорил: «...интенсивный страх сменяется идеей страха, интеллектуальным представлением опасности, которую нужно избежать» [4, с. 316]. Такое поуровневое умножение эмоциональной жизни ставит исследователя перед бесконечными дублями эмоций, которые не претерпевают никаких организационных изменений. Нам представлялось, что принцип функциональной структуры процесса саморегуляции деятельности, адекватный нашим взглядам на эмоциональную деятельность человека, поможет решить задачу эмоционального лабиринта в определении детерминант и условий духовно-нравственного развития личности.

Науке известны описания эмоциональных состояний, которые специфичны своей неуправляемостью. В отличие от других состояний эмоцию в полном смысле (см., например, работу Ж.-П. Сартра [15]) нельзя «произвольно» остановить: она (эмоция) должна себя исчерпать. Эмоция становится состоянием тогда, когда она захватывает человека целиком: не человек владеет эмоцией, а эмоция овладевает человеком. Это состояние может быть исчерпано двояко: пассивно и активно. Эмоцию можно претерпеть, но эмоцию можно выразить активно, усилив ею разворачивающуюся деятельность. Психологического анализа требуют оба момента: тотальное распространение субъективного (отраженного) содержания на человека в целом (его организм, психику и сознание) – эмоциональное потенцирование – и деятельностная реализация этого потенциала в предметной обстановке, сообразная объективной цели и ее составляющим.

Сам собой «напрашивающийся» исследовательский шаг в дальнейшем заключался в том, чтобы представить эмоциональный процесс как целостную систему регуляции деятельности человека, «увидеть» деятельность в качестве собственного содержания эмоциональной жизни, представить деятельность как предмет и организуемую эмоциями духовно-нравственную действительность. С позиции такого подхода можно полагать, что причину духовного благополучия человека нужно искать в специфике его собственно психологических отражательных и регуляторных функций, в частности, в специфике духовно-эмоциональной регуляции целостной деятельности. Различия форм духовно-эмоциональных проявлений связаны, прежде всего, с многообразием и сложностью системы регуляции деятельности, ее предметным содержанием. Именно поэтому духовно-нравственное поведение принимает самые разные формы своего существования, а каждое духовно-нравственное переживание, возникающее в процессе деятельности, имеет некоторое своеобразие и отличается от многих других переживаний, ее регулирующих. Низкий уровень духовного благополучия обуславливается нарушением основных регуляторных отношений (в том числе аффективно-смысловых) деятельности человека. Одним из признаков нарушения отношений деятельности могут явиться интенсивные и длительные «распредмеченные» эмоциональные состояния.

Решительной смены методологии исследования эмоциональных процессов требовали не только теоретико-критические рассуждения и наши экспериментальные данные, но и соображения практического характера. Во-первых, сложившийся подход фактически себя исчерпал, и последние публикации просто увеличивают число факторов, от которых зависит духовно-нравственное развитие. Во-вторых, этим увеличением факторов неявно пытаются заменить требование целостного, комплексного подхода. Однако множественность не означает комплексности, и, тем более, ею не заменить системнодеятельностный анализ, необходимость которого продолжает осознаваться, провозглашаться, но на деле, то есть при исследовании духовно-нравственного явления, этот подход не осуществлен.

Таким образом, наш дальнейший психологический интерес к проблеме единства аффекта и интеллекта в аспекте духовно-нравственного развития можно очертить более определенно. Нас интересовало, как происходит переход от эмоциональной экспрессии к эмоциональной деятельности. Можно ли этот

переход контролировать, нормировать и вообще управлять им? Структура процесса саморегуляции деятельности, с нашей точки зрения, – настоящий ключ, позволяющий открыть «ящик Пандоры» и не растерять заключенные в нем страсти¹.

Именно это обстоятельство и побудило нас далее к противопоставлению интеллекта и аффекта при организации развивающего эксперимента². Возможность «пристрастных» (нетождественных) духовно-нравственных преобразований условий, выступающих в самых разнообразных эмоциональных состояниях и образах (включая кинестетическую модальность), определяла эмоциональную регуляцию. Возможность тождественных преобразований условий, выступающих, скажем, в знаковой форме, определяла интеллектуальную (рациональную) регуляцию деятельности. Для повышения пригодности экспериментальных программ (формирующих, развивающих, коррекционных) была сохранена «чистота» исходных схем – эмоциональное и рациональное содержание духовно-нравственной деятельности. Основой единства аффективных и рациональных компонентов событийной деятельности является наличие инвариантности, частая сочетаемость и высокая сопряженность рациональных и эмоциональных проявлений процесса саморегуляции деятельности. Определена специфика структуры и содержания систем саморегуляции учебной деятельности студентов с низким и высоким уровнями духовно-нравственного развития. Проанализирована зависимость между деятельностными и личностными духовно-нравственными особенностями в процессе развития.

На первых этапах исследования оказалось, что в функциональную структуру целостного процесса саморегуляции деятельности студентов входят следующие компоненты: опыт, цель, субъективная модель значимых условий деятельности, оценка контролируемых условий, построение модели (плана) действия, подготовка и реализация модели, коррекция. Оказалось, что выявленные компоненты функциональной структуры не являются независимыми друг от друга. Они выступают как единый процесс, сообразный и согласованный во всех своих звеньях относительно принятой студентами цели деятельности. В зависимости от условий деятельности удельный вес этих компонентов может быть различным и складываться по-разному.

Далее рассматривалась эмоциональная специфика каждого компонента этой структуры и связей между ними.

Такой подход освобождал нас от метафорического вопроса: что есть эмоция? Этот вопрос теперь звучал иначе: какую роль играют эмоции в функциональной структуре процесса саморегуляции? Это означало, что эмоция (так же как и интеллект или воля) не представляла особого структурного блока (компонента) процесса саморегуляции. Эмоция – тотальное содержание учебной

¹ Нельзя считать, что закономерности психической регуляции, которые получены в исследовании сенсомоторной деятельности О.А. Конопкиным, вполне универсальны и могут исчерпать все возможные ее психологические механизмы. Они достоверны, в первую очередь, для сенсомоторной деятельности. Универсальным можно считать лишь методологический принцип и те способы экспериментальной работы, которые из него следуют.

² В качестве объекта развивающего эксперимента выступали студенты средних специальных учебных заведений (ССУЗ). В качестве предмета исследования выступал целостный процесс саморегуляции специально организованной учебной деятельности.

активности студента. Следовательно (опять-таки наряду и точно так же, как мышление и воля), они наполняют, пронизывают структуру в целом, специфицируясь в ее компонентах (элементах) и связях между ними. Говоря строго методически, в экспериментальном исследовании схема функциональной саморегуляции «накладывалась» на материал эмоциональных явлений (содержательных, модальностных, формально-динамических). Следующий шаг – обратный: хорошо отрефлексированное частное представление эмоциональной деятельности «прямо» применялось для эмоциональной интерпретации используемой схемы.

Эмоциональный аспект функциональной саморегуляции «напрашивался», помимо нашего экспериментального содержания, и из результатов логического анализа определения цели деятельности, которое приводит О.А. Конопкин: «Именно цель деятельности – в том ее виде, как она *понята* и *принята* (выделена нами. – Л.А.) субъектом, – определяет не только общую осознаваемую направленность деятельности, но в результате этого и многие особенности конкретной реализации других отдельных звеньев процесса саморегуляции» [16, с. 206]. Из этого определения видно, что не стоит «ломиться в открытую дверь», доказывая, что понимание и принятие цели – не «чисто» рациональный процесс, что важнейшей образующей этого процесса может быть эмоция: с этим согласны все или почти все психологи [5]. Нам важно подчеркнуть только один момент. Принятие цели деятельности (равно как и других элементов ее объективной структуры) не завершается сознательным уровнем.

На такое заключение нас наталкивает и существенное замечание А.Н. Леонтьева, на которое обращает внимание О.А. Конопкин: «Содержание, занимающее в действии структурное место цели... всегда осознается актуально» [16, с. 236]. Если бы субъективное принятие (понимание) цели исчерпывалось сознательным уровнем, если бы это было только «содержанием сознания», то мы вправе мыслить (и можем наблюдать реально или экспериментально) этот процесс обратным. Это и будет рациональное или когнитивное принятие цели действий. Оно может рассматриваться нами как интеллектуальная операция с необходимыми «тождественными» преобразованиями. Критерием в этом случае выступит обратимость, так широко захватившая умы исследователей когнитивных процессов, особенно представителей интеллектуалистического направления в психологии [17]. Однако цель только тогда «как закон» определяет духовно-нравственную активность, когда принятие ее (цели) необратимо, то есть эмоционально, по крайней мере. Только в этом случае можно утверждать, что цель (в ряду условий) стала содержанием субъекта, стала принадлежать ему из плоти и крови, а не только сознательно ориентирующемуся в обстановке (или, шире, в мире) человеку. Критерий обратимости/необратимости, несмотря на то что он может обсуждаться на общетеоретическом уровне, при анализе «чистых» духовно-нравственных эмоций должен носить рабочий характер.

Как отмечал В.Ф. Бассин, в роли эмоций, приобретающих до некоторой степени личностный смысл, могут оказываться «значимые переживания» [19], возникающие на основе не только биологических, но и социальных потребностей индивида. Именно смысловые психические переживания, открывающие субъекту жизненную значимость предметов и воздействий, обозначают в образе

цели и побуждают субъекта к их достижению на основе открываемых образом возможностей действия. Иными словами, появление в образе цели, переживаемой эмоционально, приводит в движение ориентировочные процессы, с помощью которых строится субъективный план предстоящего духовно-нравственного действия.

В наших экспериментальных исследованиях многие обследуемые студенты отмечали, что они уже ранее переживали ту или иную значимую ситуацию, условие предстоящей деятельности. Значит, смыслы продолжают «жить» в сознании человека и после того, как первоначально породившие их причины исчезли. Следовательно, динамика смыслов состоит в том, что, будучи первоначально простыми логическими операциями на те или иные воздействия, они затем становятся факторами специальной эмоционально-оценочной деятельности (как предшествующей ее началу, так и в ходе непосредственного выполнения деятельности). Кроме того, и для нас это главное, личностные смыслы сами становятся как бы своеобразными переживаниями, закрепленными в опыте, представлениях, памяти.

Из всего сказанного становится более очевидным и то, что через эмоциональные переживания «проектируется» выбор соответствующего плана действия, определяется содержание процесса его подготовки и непосредственной ее реализации. Заметим, однако, что это происходит чаще всего не прямо, а в форме многочисленных эмоциональных представлений предметных ситуаций, в которых отношения переживаются и реализуются в формах образов исполнительских действий и способах подготовки к их реализации и которые человек, переживая, актуализирует. Адекватность такого утверждения более очевидна и при анализе работ А.Н. Леонтьева [14], В.К. Вилюнаса [12], О.К. Тихомирова [18, 20], Б.И. Додонова [5], В.Ф. Бассина [19] и др. Результаты анализа этих работ показывают, что человек проявляется как личность прежде всего в деятельности, обладающей известной структурой и единством составляющих ее элементов, выполняющих определенные функции.

В нашем эксперименте у студентов, осуществляющих «пристрастные» преобразования в процессе деятельности – освоения социокультурного пространства, происходил, прежде всего, перевод отображаемых предметных условий (заданий) с рационального языка на язык аффективно-смысловой, в результате чего содержание учебного действия воплощалось ими не собственно образно, а духовно-нравственно. Было видно также, что аффективно-смысловые образования оказываются сквозными компонентами, проникающими во все составляющие деятельности. Будучи таковыми, они в зависимости от меры и формы своей обобщенности синтезируют совокупность этих составляющих в интегрально функционирующее духовно-нравственное действие. На основе этого синтеза отдельная составляющая через сквозной компонент вовлекает в свое функционирование и соответствующим образом организует все другие составляющие деятельности и тем самым несет целесообразную функцию. Кроме того, происходит повышение насыщенности духовно-нравственными переживаниями всех компонентов учебной деятельности, повышение избирательности духовно-нравственных переживаний к условиям и компонентам деятельности: цели, действиям контроля и оценки, итоговому результату и др. Увеличивается па-

литра эмоциональных переживаний 4-х основных модальностей, повышается их интенсивность, а также число и доля как положительных, так и отрицательных переживаний – сострадания, тревоги и т. д. После эксперимента было получено значительное повышение осознанности студентами своих духовно-нравственных переживаний. Хотя до эксперимента осознание эмоциональных переживаний было адекватно, их количество, однако, было незначительным.

Как мы имели возможность убедиться при экспериментальном анализе функциональной структуры процесса саморегуляции духовно-нравственной деятельности, она, наряду с блоком «цель», имеет блоки «субъективная модель условий деятельности» и «программа духовно-нравственных исполнительских действий», которые взаимодействуют между собой. Естественно, что изменение субъективной модели условий деятельности является предпосылкой для соответствующих трансформаций программы духовно-нравственных действий.

Установлено, что зависимость программы действий от субъективной модели условий в случае обычной деятельности носит непосредственный характер. Перенос непосредственного характера этой связи в структуре саморегуляции на более сложную нравственную деятельность (например, в ситуации моральной дилеммы) не выдерживает экспериментальной проверки. Наши исследования показали опосредованный характер этой необходимой связи. Опосредующим звеном выступает духовно-нравственный опыт (ДНО) системы саморегуляции деятельности, в котором свернуты интегративные успехи-неуспехи с синкретическими полимодальными образами осуществленных ранее духовно-нравственных попыток. В жизни именно духовно-нравственные эмоциональные переживания и реакции на успехи-неуспехи являются основным стержнем ДНО.

Получается, что субъективная модель, «отвечающая» за полноту и точность наличной ситуации действия, как бы поверяется ДНО, который и занимается «трансформацией программы действий» в соответствии с эмоционально закрепленными успехами-неуспехами в аналогичных ситуациях. Дополняющим необходимым образом друг друга субъективная модель, нравственный опыт и программа действий могут быть наделены общим показателем «информационной мощности», что демонстрирует эвристичность модификации функциональной структуры процесса саморегуляции.

Если условный индекс информационной мощности субъективной модели выше ДНО (что вполне мыслимо в силу особой инструкции, ситуативной проницательности и т. п.), то последний оказывается «складом» ненужных стереотипов и субъективная модель непосредственно «замыкается» на программу.

Проведенные исследования показали, что в случае, когда условный индекс информационной мощности оперативной (поверхностной) модели выше ДНО, то между ДНО и эмоционально-поведенческой реакцией включена сложная функциональная система, проявляющаяся в форме различных более поверхностных регуляторных эмоционально-духовных образований, каждое из которых имеет свой содержательный аспект. Среди них: эмоциональное переживание условий и действий; эмоциональная оценка значимых условий деятельности и результата; эмоциональное синтезирование; эмоциональная активность; эмоциональное корректирование и др. Все выявленные феномены эмоционального регулирования формируют более крупные регуляторные образования (ком-

плексы). К ним относятся: эмоциональная целенаправленность и целеполагание, эмоциональная оценка и контроль условий деятельности, а также принятая и реализуемая на их основе эмоциональная программа операций; система эмоциональных критериев успешности-неуспешности деятельности, поведения; эмоциональное корректирование.

В заключение обозначим несколько линий, по которым может рассматриваться эволюция эмоций. Если в эволюции эмоций (как, впрочем, в любой эволюции) пренебречь возможными «тупиками» и рассматривать преимущественно «ствол» эволюционного дерева, то можно выявить следующие магистральные направления: от внешней обусловленности и выраженности – к внутренней; от родового опыта – к индивидуальному; от синкретического проявления – к системному; от эмоциональной экспрессии – к чувственно исполненному образу жизни; от рефлекторного проявления – к рефлексивному; и, наконец, сообразуясь с человеческим смыслом, от наслаждения – к долгу.

Summary

L.M. Abolin. Activity as a Basis of Intellectual and Emotional Unity in Spiritual and Moral Development of an Individual.

The article substantiates the idea of the necessary incorporation of rational activity regulator analysis along with emotional perspective analysis into the modern research of determination and development of individual spiritual and moral well-being development. Indeed, the spiritual and moral formation and development of an individual stems from emotional experience. Activity and the composition of various psychological mechanisms regulating it are shown to be the basis of the unity of intellect and emotion.

Key words: activity, emotions, emotional expression, activity self-control, educational space.

Литература

1. Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 1. – 631 с.
2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – М.: Просвещение, 1968. – 464 с.
3. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1982. – 504 с.
4. Выготский Л.С. Учение об эмоциях // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Научное наследие. – М.: Педагогика, 1984. – С. 92–318.
5. Додонов Б.И. Эмоции как ценность. – М.: Политиздат, 1978. – 272 с.
6. Зинченко В.П. Размышления о душе и ее воспитании. – М.: РАО, 2001. – 34 с.
7. Ольшанникова А.Е. Эмоции и воспитание. – М.: Знание, 1983. – 80 с.
8. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1940. – 596 с.
9. Шингаров Г.Х. Эмоции и чувства как форма отражения действительности. – М.: Наука, 1971. – 222 с.
10. Якобсон П.М. Чувства, их развитие и воспитание. – М.: Знание, 1976. – 64 с.
11. Бреслав Г.М. Предметность эмоциональных явлений // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. – 1977. – № 4. – С. 3–11.

12. *Виллюнас В.К.* Психология эмоциональных явлений. – М.: Моск. гос. ун-т, 1976. – 143 с.
13. *Запорожец А.В.* Избранные психологические труды: в 2 т. – М.: Педагогика, 1986. – Т.1. Психическое развитие ребенка. – 316 с.; Т. 2. Развитие произвольных движений. – 297 с.
14. *Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы, эмоции: Конспект лекций. – М.: Моск. гос. ун-т, 1971. – 40 с.
15. *Сартр Ж.-П.* Очерк теории эмоций // Психология эмоций. Тексты / Под ред. В.К. Виллюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: Моск. гос. ун-т, 1984. – С. 120–137.
16. *Конопкин О.А.* Психологические механизмы регуляции деятельности. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
17. *Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. Психология интеллекта. – М.: Просвещение, 1969. – 659 с.
18. *Тихомиров О.К., Клочко В.Е.* Регуляция мыслительной деятельности // Вопр. психол. – 1980. – № 5. – С. 23–31.
19. *Бассин Ф.В.* О развитии взглядов на предмет психологии // Вопр. психол. – 1970. – № 4. – С.101–113.
20. *Тихомиров О.К.* Структура мыслительной деятельности человека (опыт теоретического и экспериментального исследования). – М.: Моск. гос. ун-т, 1969. – 304 с.

Поступила в редакцию
26.02.08

Аболин Лев Михайлович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой кризисных и экстремальных ситуаций Казанского государственного университета.